

47

У КАЖДОГО СВОЙ КЛЮЧ

А.М. Сунгурский

ДЕТЕКТИВ

А.М. Сунгурский

У каждого свой ключ

«Автор»

2026

Сунгурский А.

У каждого свой ключ / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Максим Левин уже начал собирать вещи для переезда, когда встретил у двери своей будущей квартиры троих незнакомцев. Каждый внёс аванс. Каждому продавец обещал жильё. И у каждого оказался ключ. Сам продавец лежит мёртвым в спальне. Пока следствие проверяет покупателей, Максим пытается найти исчезнувшие накопления. Для этого приходится объединиться с людьми, которых ещё вчера он счёл бы соперниками. Вместе они сравнивают расписки, ищут вывезенную мебель и узнают, куда уходили их деньги. Чем ближе разгадка, тем труднее понять, кому можно доверять.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Коробки для чужой кухни	5
Глава 2. Четыре связки	11
Глава 3. Чужая сумма	17
Глава 4. До понедельника	22
Глава 5. Место у окна	27
Глава 6. Все чеки	31
Глава 7. Квартира на экране	36
Глава 8. Шкаф без напарника	41
Глава 9. За доставку отдельно	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

А.М. Сунгурский

У каждого свой ключ

Глава 1. Коробки для чужой кухни

В субботу Максим проснулся раньше будильника и успел собрать коробку, прежде чем вспомнил, что переезжать сегодня некуда.

До сделки оставалось несколько дней. В квартире ещё жил хозяин, банк ждал последний документ, а кухню, за которую они уже внесли предоплату, собирались изготовить только к ноябрю. Всё это Максим знал. Однако коробка стояла посреди съёмной комнаты, и в неё хотелось что-нибудь положить. Так предстоящая жизнь получала хотя бы дно и четыре стенки.

Он снял с подоконника кружки. Свою, с отколотой ручкой, завернул в рекламную газету. Владина кружка была высокая, тяжёлая, с тремя синими рыбами. На неё газеты не хватило, и Максим взял полотенце.

— Мне из ладоней пить? — спросила Влада из дверей.

Он оглянулся. Она стояла босиком, в длинной футболке, со следом подушки на щеке.

— Я тебе другую оставил.

— Где?

Он осмотрел кухонный стол, словно кружка могла возникнуть из сочувствия.

Влада подошла, достала свою из коробки, развернула полотенце и повесила на ручку духовки. Максим потянулся за чайником.

— Не начинай, — сказала она. — Я ещё не проснулась.

— Я тоже ничего не начинаю.

— Коробка.

— Просто чтобы потом...

Она подняла палец, не глядя на него, и включила воду.

За окном мелко шуршал дождь. В их дворе он всегда звучал раньше, чем становился виден: попадал на железный козырёк магазина, и казалось, будто внизу пересыпают горох. Два года Максим собирался попросить хозяйку квартиры поставить нормальный отлив. За это время он отремонтировал кухонные направляющие, укрепил расшатанный унитаз и сменил механизм в бачке. Отлив остался. Он даже не был уверен, что хозяйка вправе трогать козырёк магазина.

В новой квартире вода стекала на дерево. Под спальней рос клён, и в понедельник, когда Максим приходил с рулеткой, листья уже забили старую детскую песочницу. Он успел решить, что поставит кровать изголовьем к глухой стене. Влада хотела сначала провести там вечер, послушать соседей, посмотреть, куда падает свет. Максим отвечал, что кровать потом можно переставить. Из-за этого они чуть не поссорились прямо при продавце.

Теперь она налила себе воды, прислонилась к столу и спросила:

— Во сколько ты освободишься?

— До десяти. Он сказал, просто всё сверим перед понедельником. Я ещё раз сниму кухню.

— Ты её уже три раза снимал.

— Один угол гуляет. Надо по диагонали.

— Позвони, когда закончишь.

— Ты могла бы поехать.

Влада посмотрела на часы над холодильником.

— В девять у нас первая группа. Я тебе говорила.

— Я не про сегодня вообще. Я говорю, если бы...

— Макс.

Он замолчал. У неё был удивительный способ произносить его имя: без раздражения, но так, что следующая фраза сразу становилась лишней.

Она работала администратором учебного центра. По субботам родители приводили туда детей на подготовку к школе, а потом звонили каждые двадцать минут, уточняя, не замёрз ли ребёнок, выпил ли воду и действительно ли с ним занимаются. Влада помнила, у кого аллергия на яблоки, кто боится сушилки в туалете, кого разрешено отдавать бабушке, а кого нельзя. Максим однажды сказал, что за это надо брать дополнительную плату. Она ответила, что проще вообще не работать с людьми.

Он нашёл в прихожей свою куртку. В кармане лежали рулетка, карандаш, тонкие рабочие перчатки и ключ на алюминиевом кольце. Кроме таблетки домофона, к ключу Корнеев ничего не приложил: ни бирки, ни пакетика. Просто раскрыл ладонь с четырьмя одинаковыми ключами, один отделил ногтем и протянул Максиму.

«Это для замеров. Верхний замок не трогайте, он давно не работает».

Тогда остальные ключи не вызвали вопроса. Хозяин, дочь, запасной — Максим и сейчас мог придумать несколько обычных объяснений. Ему понравилось, что человек отдаёт ключ сразу. Когда держишь ключ от квартиры, сложнее продолжать думать о ней как об объявлении.

— Документы взял? — спросила Влада.

Он похлопал по плоской сумке через плечо.

— Всё здесь.

— Оригиналы потом верни в папку. И, пожалуйста, больше ничего не подписывай без меня.

— Там нечего подписывать.

Она хотела что-то добавить, но вместо этого откусила кусок хлеба. Максим приблизился и поцеловал её в висок. Пахло кофе, который она ещё не пила, и дешёвым кремом из круглой белой банки.

— Сегодня увидимся пораньше, — сказал он.

— У тебя сборка на Липовой.

— После квартиры. Славка подъедет к одиннадцати. Там обычный шкаф.

Влада опустила глаза на коробку.

— Кружку свою оставь.

Он достал свёрток и поставил на стол, не разворачивая.

* * *

К дому он подъехал без двенадцати девять. Перед аркой стоял фургон хлебозавода, водитель, прижав плечом телефон, перетаскивал через лужу пластиковые ящики. Максим оставил свою старую «Гранту» у мусорной площадки, где под колёсами ещё виднелась белая краска парковочного места, и принялся искать в сумке бахилы.

На дне лежал пакет со стяжками, чек из строительного магазина и конфета, которую Влада сунула ему во вторник. Бахил не было. Он решил вытереть ноги как следует и не ходить в спальню. На просмотре Корнеев дважды напоминал о свежeweымытом полу.

В арке пахло мокрым кирпичом. За домом хлопала незакреплённая створка щитка. Максим видел, что два верхних самореза давно вырваны, но теперь не стал задерживаться. Он уже мысленно составлял список общего ремонта, который предложит соседям, когда переедет. В этом списке, кроме щитка, были дверь подъезда, выбитая плитка на площадке и лампа у почтовых ящиков.

Домофон открылся от таблетки на том же кольце. Максим поднялся на третий этаж и остановился перед сорок седьмой квартирой.

На двери оставался светлый прямоугольник от снятой таблички. Под глазком виднелись две царапины. Ключ вошёл легко, но поворачивался туже, чем в понедельник. Максим чуть подтянул ручку к себе, повернул ещё раз и услышал короткое сухое щёлканье.

— Лев Борисович?

В квартире пахло старой мебелью, влажной тряпкой и чем-то сладким, как в коридоре поликлиники возле автомата с кофе. Свет в прихожей горел.

Максим вытер подошвы. Под вешалкой лежал серый коврик, которого раньше не было. Точнее, он мог и раньше лежать: в понедельник Максим смотрел не под ноги, а на выступ вентиляционного короба. Сейчас этот короб был хорошо виден через открытую кухонную дверь.

— Это Левин. Вы мне написали вчера.

Из глубины квартиры донёсся женский голос:

— Минутку.

Он остановился, придерживая дверь сумкой.

Женщина вышла с кухни. Невысокая, в коротком светлом пуховике, с волосами, убранными под чёрную вязаную повязку. В руке она держала телефон. На большом пальце блестела серебряная пластинка кольца.

— Вы замерщик? — спросила она.

— Нет. Я покупатель.

Она посмотрела на его рулетку.

— Значит, рано приехали. У меня на девять.

— У меня тоже.

Несколько секунд они разглядывали друг друга. Максим первым улыбнулся — тем способом, каким обычно улыбался заказчику, обнаружившему в коробке лишнюю дверь.

— Похоже, Лев Борисович напутал.

— Похоже.

Но женщина не улыбнулась. Убрала телефон в карман и спросила:

— Вы квартиру смотрите?

— Я её уже посмотрел.

— Давно?

— На прошлой неделе. В понедельник ещё приезжал.

Она перевела взгляд на ключ в его руке.

Максим тоже посмотрел на ключ. Впервые за утро вещь показалась ему странной: слишком маленькой, чтобы объяснять, почему он стоит в этой прихожей и отчитывается незнакомой женщине.

— Где хозяин? — спросил он.

— Не выходит. Я только пришла. Думала, в ванной.

— Дверь вы закрыли?

— Да. Машинально, как у себя. Вошла, заперла и позвала его.

Дверь ванной была приоткрыта. Максим видел в зеркале край раковины и висящее над ней пустое кольцо для полотенца.

— Вы с Егором? — спросил он.

— С каким Егором?

— Риелтором.

— Я без риелтора.

Она вытащила из сумочки связку. Домашние ключи, круглый магнитный брелок от салона, маленький ключ от почтового ящика. И новый, без следов ношения, квартирный ключ. Такой же, как у Максима.

— Вы тоже на замеры? — произнёс он.

— Я на встречу с продавцом. Оксана.

— Максим.

Они не протянули друг другу рук.

В подъезде послышались шаги и металлический звон. Кто-то остановился за открытой дверью.

— Так, — сказал новый женский голос. — А почему нараспашку?

На площадке стояла женщина лет шестидесяти, крупная, в тёмно-зелёном пальто. В одной руке у неё был раскрытый зонт, в другой — пакет из магазина постельного белья. Она осмотрела их обоих и заглянула в прихожую.

— Лев Борисович дома?

— Мы пока не выяснили, — ответила Оксана.

Женщина поставила зонт к стене, но заходить не стала.

— Вы родственники?

— Покупатели, — сказал Максим.

Он произнёс это во множественном числе раньше, чем успел подумать.

У женщины дрогнула щека.

— Какие покупатели?

Оксана отвернулась и стала набирать номер.

Третий ключ женщина вынула из наружного кармана пальто. Он был привязан белой ниткой к картонной бирке. На бирке аккуратно, синей ручкой, стояло: «47».

Максим почувствовал, как сумка давит на плечо.

— Давайте позовём хозяина, — сказал он.

— Я уже звоню, — ответила Оксана.

Гудков было не слышно. Она держала телефон у уха, поджимая губы. Женщина в пальто не сводила глаз с Максима.

— Я в среду деньги отдала.

— Я в понедельник.

— Какие деньги?

— Аванс.

— Сколько?

Он не ответил. Сумма вдруг сделалась чем-то личным, что нельзя произносить в чужой прихожей. Семьсот сорок тысяч. Он помнил её в банковском приложении, на бумаге, в письме от Егора. До перевода у цифры было продолжение — остаток, из которого предполагалось оплатить кухню и переезд. После перевода появилась другая цифра, гораздо короче. Максим убеждал Владу, что это временно.

— А вы, собственно, кто? — спросила женщина.

— Зоя Аркадьевна? — раздалось с лестницы.

На площадку поднялся широкоплечий мужчина в серой куртке, с коротко подстриженными волосами. Он нёс бумажный стакан и небольшую папку на молнии.

— Нет, простите, — сказал он сразу. — Показалось. Я подумал, вы из соседней квартиры. У нас на приёмке женщина похожая бывает.

— Я Мартынова, — ответила она. — А вы?

— Кошелев. Борис. Тоже к Льву?

Максим отступил в глубину прихожей, пропуская его. Оксана ещё слушала телефон.

— Вы покупать? — спросила Зоя.

Борис посмотрел на её ключ, затем на открытый замок. Стакан он поставил на подоконник в подъезде.

— Только не говорите, что...

— Да, — ответила Оксана, опуская телефон. — Именно это.

Борис выругался негромко, одним коротким словом, которое Максим не расслышал. Потом раскрыл папку и вынул сложенный вдвое лист.

— Девятьсот, — сказал он. — Вчера утром. Я ещё спрашивал, почему так срочно.

Оксана вновь нажала на экран.

На этот раз они слышали телефон.

Он дребезжал где-то за дверью в конце коридора. Короткая незнакомая мелодия, пауза, снова те же несколько нот. Максим хорошо помнил эту дверь. За ней была спальня, в которой Влада собиралась сначала провести вечер и посмотреть на свет.

— Лев Борисович! — громко позвал Борис.

Максим уже шёл по коридору.

Ручка была холодной. Дверь открылась не до конца: снизу что-то мешало. Максим потянул её на себя, просунул голову и увидел на полу тёмный носок, серую штанину, раскрытую ладонь возле ножки кровати.

Телефон звонил на подоконнике.

Первой мыслью было, что человеку плохо. Это было удобно и почти радостно: сейчас они вызовут врача, найдут таблетки, поднимут его, и прежняя неприятность с четырьмя ключами вернётся на своё место. Максим сказал через плечо:

— Скорую.

Потом увидел кровь.

Она была на рубашке, на светлой полосе ламината и ещё дальше, под кроватью, куда он сначала не посмотрел. Корнеев лежал лицом к двери. Глаза были открыты. Максим опустился на одно колено, не думая о полу, и потянулся к его плечу.

— Не трогайте! — сказала Зоя за спиной.

Он отдёргнул руку.

— Может, живой.

Зоя заглянула поверх его плеча. Он слышал, как она втянула воздух, но она не закричала.

— Звоните. Сейчас.

Максим вынул телефон, нажал не туда, закрыл открывшуюся камеру и набрал сто двадцать. Ему пришлось дважды повторить адрес. Первый раз он назвал дом, в котором жил с Владой.

Диспетчер спросила, в сознании ли мужчина, дышит ли, что случилось. Максим сказал, что не знает, и вдруг рассердился на собственный голос. Голос был чужой, тонкий, совершенно неподходящий для происходящего.

Он выполнял то, что говорила женщина в трубке. Смотрел на грудь Корнеева. Пытался понять, двигается ли ткань. Не мог отделить собственное дыхание от воображаемого движения. Потом ответил на новые вопросы и отодвинулся по её указанию, освобождая проход.

За ним стояли трое. Оксана держалась ладонью за косяк кухни. Зоя смотрела в пол. Борис, сняв куртку, прижал её к животу обеими руками.

— Что сказали? — спросил он.

— Едут.

Максим опустил телефон. В квартире стало очень тихо. Корнеевский звонок прекратился, и теперь слышался только слабый гул холодильника.

— Дверь не закрывайте, — сказала Зоя.

Максим кивнул, хотя никто и не пытался её закрыть.

Борис подошёл к входу, нагнулся и поднял с порога чью-то упавшую связку. Максим посмотрел на свою ладонь: его ключ был на месте. У Зои белела бирка. Оксана молча протянула руку, и Борис положил находку ей на ладонь.

— У меня вчера была запись, — сказала она, ни к кому не обращаясь. — Я бы иначе раньше приехала.

Максим не понял, зачем она это говорит.

Его телефон завибрировал. На экране появилось сообщение от Влады: «Ты уже там? Посмотри, пожалуйста, розетку у окна».

Он прочитал его дважды и убрал телефон в карман.

За приоткрытой дверью спальни оставался подоконник с чужим телефоном. Розетка находилась как раз под ним.

Глава 2. Четыре связки

Первым приехал мужчина в форменной куртке с отражающими полосами. Он поднялся быстро, с небольшой медицинской сумкой, и сразу попросил всех выйти на площадку. За ним шла женщина с чемоданчиком, тяжело переступая через мокрый зонт Зои.

Максим попытался объяснить, где спальня, но мужчина уже увидел открытый проход.

— Сколько вы здесь?

— Минут двадцать. Я раньше остальных... Нет, Оксана уже была. Я его только сейчас нашёл.

— Выйдите, пожалуйста.

Они вышли. Борис забрал стакан с подоконника, потрогал его пальцами и поставил обратно. Кофе давно остыл.

За стеклом соседнего глазка мелькнула тень. Через секунду щёлкнул замок.

— Что случилось? — спросила пожилая женщина с бигуди под сеткой.

Никто не ответил сразу.

— Соседу плохо, — сказала Зоя.

Женщина выглянула дальше, увидела медицинскую сумку в прихожей и прижала ладонь ко рту.

— Я же вчера стучала. Вода у меня по стояку шумела. Всё собиралась зайти.

— Когда вчера? — спросил Борис.

— Да вечером. Разве я запоминала?

Она посмотрела на него с неприязнью: незнакомый мужчина требовал подробностей в её собственном подъезде.

Максим отошёл к окну. Полиция остановилась во дворе рядом с его машиной. Двое сотрудников вышли почти одновременно; один проверил номер дома, другой взял из салона планшет.

Телефон Максима опять завибрировал.

«Макс, ты видел?»

Влада прислала фотографию удлинителя в магазине. Наверное, шла на работу мимо хозяйственного и решила, что проще купить самой. Максим нажал на её имя, но вызов не пошёл: палец остановился на экране.

Как сказать это между удлинителем и утренними группами? Он ещё не мог сам поместить в одну историю Корнеева, который в понедельник отрезал ножом кусок яблока и предлагал им с Владой, и человека на полу. Покупательская ссора в прихожей будто продолжалась отдельно. Можно было отодвинуть тело, закрыть дверь спальни и всё-таки выяснить, зачем хозяин выдал столько ключей. Потом Максим испугался собственной мысли и сунул телефон в карман.

Полицейские подошли к ним.

— Кто вызывал?

— Я.

— Фамилия, имя?

Он ответил. Сотрудник попросил паспорт, уточнил, кто находится в квартире, и передал что-то по рации. Второй остался у входа, не позволяя соседке заглянуть внутрь.

— Вы все вместе приехали?

— Нет, — сказала Оксана прежде Максима. — Мы не знакомы.

Сотрудник поднял голову от паспорта.

— По одному тогда. Вы зачем пришли?

— Покупать квартиру, — сказал Максим.

— А остальные?

— Тоже.

Теперь фраза прозвучала так, что её можно было услышать со стороны. Сотрудник коротко посмотрел на напарника. Ни удивления, ни улыбки на лице не появилось.

— Внутрь больше не заходите. Сейчас разберёмся.

Медик вышел из спальни и обратился к полицейскому. Они говорили негромко. Максим различил несколько слов, потом мужчина в отражающих полосах повернулся к ним и сказал, что помочь уже нельзя.

Оксана присела на ступеньку. Зоя осталась стоять, глядя на носок собственного ботинка. Борис провёл ладонью по затылку.

Максиму хотелось задать вопрос, но он не понимал какой. Диспетчер спрашивала про дыхание. Он мог неправильно посмотреть. Мог потратить слишком много времени на адрес. Мог сразу войти в спальню, вместо того чтобы спорить о квартире.

— Это не из-за вас, — сказал медик, заметив его взгляд.

— Я не...

— Не пытайтесь сейчас искать, что вы должны были сделать иначе. Дальше будут работать сотрудники.

Он говорил устало, как человеку, который собирался мешать, и именно поэтому Максим ему поверил.

* * *

К десяти часам площадка превратилась в тесное место, где каждому было неудобно стоять и никому не разрешалось уйти без разговора. Приехали ещё люди. Женщина в коротком сером плаще показала удостоверение, назвала себя следователем Елизаветой Невской и попросила соседа этажом ниже не снимать лица на телефон. Сосед возмутился, но телефон опустил.

Невская по очереди выслушала первые объяснения, записала контакты, уточнила время прихода и попросила не обсуждать между собой увиденное.

— Мы и не обсуждаем, — ответил Борис.

В этот момент Оксана сказала Зое:

— Я до вас минут пять была, не больше.

Невская перевела на неё взгляд.

— Именно это пока и не обсуждайте. Мне важно, что каждый помнит сам.

Невская отвела Максима к окну.

— Вы открывали дверь своим ключом?

— Да.

— От кого получили?

— От Корнеева. В понедельник. Для замеров.

— Когда вносили деньги?

— Тогда же. Переводом. У меня всё есть.

— Покажете. Сейчас про утро. После входа куда пошли?

Он рассказал. Попытался точно вспомнить, когда увидел Оксану, в какой руке у неё был телефон, говорил ли с хозяином до того, как пришла Зоя. Невская не требовала угадать. Если он начинал поправлять себя без уверенности, она останавливалась и спрашивала, что он помнит наверняка.

— В спальню вы вошли один?

— Сначала один. Зоя Аркадьевна за мной.

— До тела дотрагивались?

— Хотел. До плеча, кажется... Я не знаю. Она крикнула, и я отдернул руку.

Невская посмотрела на его джинсы.

Максим тоже посмотрел. На колене было тёмное пятно. Он раньше принял его за воду с коврика.

— Это нужно будет проверить, — сказала она. — С кем вы живёте? Сможет кто-то привезти вам одежду?

— Влада. То есть моя девушка. Она на работе.

— Позвоните. Или другой человек. Вам объяснят порядок. Пока не вытирайте и не пытайтесь отмыть.

Максим прижал ладони к бёдрам, потом сразу отнял.

— Меня подозревают?

— Я выясняю, что произошло. Вы были в квартире и подошли к погибшему. Следы надо отделить от тех, что появились раньше.

Это было понятное объяснение. От него не стало легче.

Невская попросила показать сообщение Корнеева. Максим открыл переписку. Предыдущие сообщения занимали экран целиком: замеры, документ для банка, уточнение фамилии. Выше находился голосовой ответ Максима, который он отправил в четверг вечером.

Он закрыл его большим пальцем, будто от случайного нажатия.

— Вот. Вчера, в двадцать два восемнадцать.

На экране было написано: «Завтра к девяти приходите. Сверим всё перед понедельником. Ключ у вас».

Невская прочитала.

— Вы ответили?

— Да. Что буду.

— А после этого созванивались?

— Нет.

— Предыдущую переписку сохраните целиком. Не только это сообщение.

Он понял, что она увидела палец.

— Там я на него рассердился.

— Из-за чего?

— Он с документами тянул. Для банка. Обещал прислать утром, вечером опять сказал — завтра. Я наговорил.

— Угрозы были?

Снизу хлопнула дверь подъезда. На лестнице кто-то спросил, можно ли пройти. Максим слышал каждое слово с мучительной ясностью.

— Я сказал, что приеду и он пожалеет, что со мной связался.

Невская не изменилась в лице.

— Когда?

— В четверг. Но я не приезжал.

— Это проверим отдельно. Сейчас покажите, пожалуйста, запись. И не удаляйте её.

— Я не собирался.

Он сам нажал на воспроизведение.

Свой голос он узнал не сразу. В записи Максим был уверен, громок и почти весел от злости. Он говорил, что устал слушать обещания, что у него не лишние деньги и что, если Корнеев ещё раз начнёт его водить за нос, он придет лично и продавец пожалеет.

Голос на площадке звучал особенно отчётливо. Оксана, сидевшая у стены, подняла голову. Борис отвёл глаза.

Невская попросила переслать запись установленным способом, который позже уточнит сотрудник, и зафиксировала, в какой переписке она находится. Максим хотел добавить, что никогда никого не бил по-настоящему. Это прозвучало бы неправдой: в семнадцать лет он

подрался возле общежития, а ещё через год ударил парня на остановке. К Корнееву те драки не имели отношения. Он промолчал.

* * *

Ключи разложили на белых листах. Не на одном, а по отдельности, с пометками, чтобы не спутать владельцев.

У Максима ключ висел на алюминиевом кольце рядом с таблеткой домофона. У Зои — на белой нитке с картонной биркой. Оксана отцепила новый ключ от своей большой связки, но сначала не могла раскрыть тугое колечко. Борис предложил помочь, однако сотрудник попросил передать связку ему самому.

Собственный ключ Кошелев держал между двумя пальцами.

— Я бы тоже не стал носить его с остальными, — сказал он. — Пока не оформлено.

— Куда его положить, вам покажут, — ответил сотрудник.

Максим увидел, как Борис сжал губы. Тот привык, что его замечания полезны, и ещё не понял, что здесь они только замедляли работу.

Оригиналы договоров попросили предоставить для осмотра и оформления необходимых изъятий. Максим прежде всего спросил, останется ли у него подтверждение. Его пугало, что он выйдет из дома без ключа, без документа и без денег — будто никогда не имел к квартире отношения.

Невская объяснила, что документы не исчезают в чужом кармане: их описывают, выдачу и изъятие оформляют, предусмотренные копии и подтверждения он получит. Бумаги, которые не понадобятся изымать сейчас, останутся у него. Она не стала обещать вернуть всё сегодня.

Зоя попросила очки, хотя они висели на шнурке у неё на груди. Оксана показала перевод в приложении банка. Борис развернул свою расписку так резко, что край надорвался по сгибу.

— Осторожнее, — сказал сотрудник.

— Я осторожно.

Максим отвернулся. Четыре ключа выглядели почти одинаково. Различались бирки, кольца, следы от пальцев, но это были мелочи, которые однажды могли исчезнуть. Он подумал, что вся их уверенность в собственной правоте до утра держалась на этих мелочах.

На лестнице появился Слава.

Он держал серый спортивный пакет. Куртка у него промокла на плечах. Поднявшись, он сначала посмотрел на Максима, потом на открытую квартиру, на людей у двери.

— Ты цел?

— Да.

— Точно?

Максим кивнул.

Слава не стал говорить ничего утешительного. Протянул пакет сотруднику после короткого объяснения и спустился туда, куда его попросили отойти. Пока Максим переодевался в разрешённом для этого месте и передавал джинсы, он слышал, как Слава по телефону объясняет заказчице, что напарник задерживается по серьёзной причине. Про убийство тот не сказал.

Из пакета пахло машинным порошком и деревом. Это были Максимовы старые рабочие штаны, которые лежали в их мастерской в запасе. На правой штанине белела полоса засохшего клея. Он никогда ещё не радовался рабочей одежде так сильно.

Когда ему разрешили спуститься, он нашёл Славу возле машины.

— Ты с собой деньги взял? — спросил тот.

— Какие?

— На такси, на еду. Не знаю, сколько тебя тут держать будут.

— У меня карта.

— Тогда ладно.

Слава достал сигарету, повертел её и убрал обратно. Он бросал уже третий месяц, но пачку носил.

— Я Владе сказал, что ты живой и перезвонишь.

Максим поднял голову.

— Ты ей звонил?

— Ты попросил привезти штаны. Сказал, что сам говорить не можешь. Я не собирался давать ей угадывать.

Он был прав. Это раздражало сильнее всего.

— Что она сказала?

— С тобой поговорит. Мне-то зачем это пересказывать?

Максим сел на бордюр рядом с машиной. Лужа уже намочила край подошвы, но вставать не хотелось. Из подъезда вышла Оксана, остановилась под козырьком и стала искать что-то в сумочке. Без чёрной повязки её волосы оказались короткими, рыжеватыми, сильно прямыми.

— Я к заказчице поеду, — сказал Слава. — Один начну. Ты сегодня ничего не обещаешь.

— Я могу потом...

— Нет. Сегодня ты не можешь потом.

Он ушёл. Максим достал телефон. Пропущенных от Влады было четыре.

Он нажал вызов.

— Я цел, — сказал он сразу, как только она ответила.

— Знаю. Где ты?

— У дома.

Она молчала, давая ему возможность продолжить.

— Его убили. Льва Борисовича. И он не только нам... Тут ещё трое. У всех договоры.

Ключи.

Последнее слово получилось совсем тихим.

Влада выдохнула.

— Я освобожусь через час. Не уезжай один, если тебя трясёт. Слава рядом?

— Уехал на сборку.

— Хорошо. Позвони мне, когда скажут, что можешь уйти. Я встречу.

— Ты ничего не хочешь спросить?

— Хочу. Много. Но я сейчас стою перед детьми.

За её голосом он слышал смех и чьё-то настойчивое: «А у меня не открывается». Где-то у ребёнка не открывался пенал. Это была другая, вполне разрешимая беда.

— Макс, — добавила Влада. — Ты там не один. Не решай сейчас всё сразу.

Она отключилась.

Оксана всё ещё стояла под козырьком. Борис вышел следом за ней. Зоя появилась последней, медленно спускаясь по трём ступенькам. Они некоторое время молчали, не зная, в каком качестве теперь находятся друг перед другом.

Потом Борис сказал:

— Телефонами надо обменяться.

— Для чего? — спросила Оксана.

— Чтобы хотя бы понимать, что происходит. Поодиночке нам будут говорить разное.

— Кто?

— Все.

Зоя посмотрела на него, затем на Максима.

— Давайте. Только без пересказывания полиции того, чего никто не видел. Нам сказали.

Максим встал. Под ним остался сухой полукруг на мокром бордюре.

Борис создал группу и спросил, как назвать. Никто ничего не предложил. Тогда он ввёл номер квартиры.

Через минуту на Максимовом экране возникло: «Вы добавлены в группу “47”».

Владина фотография удлинителя ушла ниже.

Глава 3. Чужая сумма

Влада встретила его возле остановки. У неё в руке был пакет из пекарни, на плече — рабочая сумка с большим отделением для тетрадей. Максим подумал, что она приехала прямо из центра и ещё не успела поесть. Сам он не чувствовал голода. С утра выпил только половину стакана воды, а рот всё равно был полон чем-то вязким и неприятным.

Она остановилась в двух шагах, осмотрела его лицо, куртку, чужие по цвету штаны.

— Эти из мастерской?

— Да.

— Хорошо.

Потом обняла его. Максим уткнулся ей в волосы и только тогда почувствовал, как дрожат плечи. Он пытался остановиться, но от попытки становилось хуже. Влада ничего не говорила. За её спиной подошёл автобус, раскрылись двери, люди обошли их с двух сторон. Кто-то недовольно цокнул языком.

— Пойдём отсюда, — сказала она.

Они зашли в маленькое кафе при магазине. За стойкой показывали старую комедию без звука, под столами стояли пластиковые корзины для вещей. Максим положил сумку в такую корзину и сразу поднял обратно. Ему было необходимо держать её возле себя.

Влада заказала чай и две порции гречки с котлетами. Заказала решительно, не спрашивая, будет ли он есть. Максим хотел сказать, что не будет, но слова не пришли.

— Тебе сегодня ещё куда-нибудь надо? — спросила она.

— Могут вызвать. Телефон включён.

— За руль пока не садись.

— Машина там осталась.

— Заберём потом.

Она приоткрыла пакет с двумя булочками, но, оглянувшись на стойку, не стала их доставать. Здесь нельзя было со своей едой. Эта мелкая осторожность почему-то больно задела Максима. Всё, что можно было правильно сделать в кафе, она продолжала делать правильно, пока у него развалилось нечто гораздо большее.

— Я его не трогал, — сказал он.

Влада подняла глаза.

— Макс, я об этом не спрашивала.

— Коленом встал. На пол. Поэтому штаны.

— Понятно.

— Не знаю, тронул ли за плечо. Мне казалось, нет. А потом она стала спрашивать, и я уже...

Он замолчал. Влада подвинула ему стакан с водой.

— Ты рассказал, как помнишь?

— Да.

— Тогда не надо сейчас собирать другую версию из того, как было бы лучше.

Он выпил воду. Стакан звякнул о зубы.

Некоторое время они молчали. За соседним столом мужчина объяснял кому-то по телефону, что покупать аккумулятор до зимы выгоднее, чем в декабре. Влада следила за раздачей. Максим смотрел на две блестящие вилки, лежавшие на бумажной салфетке.

— Нас четверо, — сказал он наконец. — Покупателей. Одна женщина отдала миллион сто. Другой мужчина девятьсот. Ещё одна не сказала пока.

— И у всех предварительные договоры?

— Вроде да.

— «Вроде» или ты видел?

— Держали в руках. Я не читал всё. Нас попросили по отдельности.

— А Егор?

— Не берёт. Я два раза звонил.

Влада достала собственный телефон, открыла переписку с посредником и посмотрела, когда тот был в сети. Максим заметил её движение.

— Ты думаешь, он тоже?

— Я пока думаю, что хочу с ним поговорить.

— Он документы смотрел. Мы проверяли, Влада.

Она положила телефон экраном вниз.

— Я помню.

— Собственник настоящий. Выписка свежая. Паспорт. Всё.

— Я помню, — повторила она, уже тише.

Принесли еду. Максим взял вилку, разделил котлету надвое и положил обратно. Внутри было совершенно обычное серое мясо. От его вида он отвернулся.

Влада попросила у сотрудницы контейнер.

— Дома поешь.

— Ты сердишься?

Она посмотрела на него долго, прежде чем ответить.

— Я испугалась. И сержусь. Это сейчас вместе.

— Я же не мог знать, что он...

— Что его убьют — не мог. Что не стоит отдавать такой аванс только потому, что нам обещают скидку, — мы обсуждали.

Максим прижал пальцем край салфетки.

— Если бы не аванс, он другому продал бы.

Сказав это, он сам услышал нелепость.

Влада не стала на неё указывать. Съела немного гречки, аккуратно отложила вилку и спросила:

— Сколько у нас осталось?

— Сто семьдесят восемь на моём. У тебя я не знаю.

— Ты знаешь. На кухню отложено двести сорок. Из них шестьдесят уже отдали. И двадцать восемь — моя зарплата до следующей.

Максим кивнул.

— Кухню можно отменить.

— Узнаю. Договор на мне.

Ему не понравилось это короткое «на мне». Он сам измерял кухню, сам выбирал, как обойти короб, рисовал удобный угол, спорил с менеджером о петлях. Но деньги за заказ перечисляла Влада, и подпись стояла её.

— Я им позвоню, — сказал он.

— Я позвоню сама.

Он посмотрел на неё.

— Не всё надо сейчас делать тебе, — добавила она.

Мужчина за соседним столом договорился про аккумулятор. В телевизоре беззвучно смеялись трое людей в старом автомобиле. Максим провёл рукой по лицу.

— Я ему угрожал.

Влада не сразу поняла.

— Кому?

— Корнееву. В четверг. Голосовым. Следовательно слышала.

Она положила ладони на стол.

— Что ты сказал?

Он повторил. Без интонации запись звучала ещё хуже.

— Почему ты мне не рассказал?

— Забыл. Он потом документ прислал, и я успокоился.

— Ты забыл, что пообещал человеку приехать и заставить его пожалеть?

— Я ничего такого не собирался. Просто психанул.

— Я тебя спрашиваю, почему не рассказал мне.

Максим посмотрел в сторону стойки. Сотрудница клеила ценник на холодильник. Он попытался прочесть цифры и понял, что избегает Владиных глаз.

— Не хотел ещё раз слушать, что поторопился.

Она откинулась на спинку стула.

— Ясно.

Слово было хуже ссоры. В ссоре можно было отвечать, преувеличивать, находить встречные претензии. Здесь ответ закончился раньше, чем он придумал защиту.

Влада собрала контейнер, сложила в пакет неиспользованные салфетки и встала.

— Поедем домой. Потом решим, что делать с кухней.

* * *

Хозяйка съёмной квартиры звонила, когда они поднимались на свой этаж. Максим посмотрел на имя и хотел сбросить, но Влада кивнула на телефон.

— Ответь. Она может про просмотр.

Он уже договорился съехать к концу месяца. Два дня назад, в порыве уверенности, написал хозяйке, что, если новые жильцы захотят заехать раньше, они с Владой готовы это обсудить. Теперь такое великодушие выглядело чем-то чужим.

— Да, Наталья Петровна.

— Максим, здравствуйте. На завтра люди просят посмотреть, часов в пять. Вы дома будете?

Он стоял перед дверью с ключом в руке. Этот ключ подходил к квартире, в которой он действительно жил. За неё он платил каждый месяц и от этого иногда чувствовал себя униженным. Сейчас ему хотелось, чтобы дверь просто открылась и ничего не изменилось.

— У нас обстоятельства поменялись. Можно мы пока останемся?

Хозяйка помолчала.

— В смысле пока?

— Покупка задержалась.

— Я уже объявление разместила. Люди планируют.

— Я понимаю. Мы оплатим. Просто ещё на месяц хотя бы.

— Вы же сами сказали, что у вас всё решено.

Максим закрыл глаза. Влада стояла рядом и ждала, не вмешиваясь.

— Да. Я ошибся.

Наталья Петровна вздохнула. Сказала, что подумает до вечера, потому что одной семье уже пообещала просмотр и не хочет выглядеть несерьёзно. Максим поблагодарил её так, словно просьба уже была выполнена.

В квартире стояла утренняя коробка. Кружка в газете лежала на столе. Влада прошла на кухню, поставила контейнер в холодильник и подошла к окну.

— Мне нужно сейчас побыть одной, — сказала она.

Максим застыл в дверях.

— Ты уходишь?

— Я хочу пройтись. Час. Не спрашивать никого ни о какой розетке, не разговаривать с менеджером и не пересчитывать, сколько денег осталось.

— Я с тобой.

— Макс, одной.

Он кивнул. Она переобулась, надела куртку и ушла, оставив рабочую сумку на стуле.

Первым делом Максим подошёл к коробке и разорвал скотч на дне. Не потому, что она мешала: в комнате было достаточно места. Ему хотелось прекратить её существование. Картон поддался с резким треском, и он вдруг понял, что разорвал не ленту, а саму коробку.

Телефон зазвонил у него в кармане.

Егор.

— Макс, только увидел. Что случилось? У меня показ был, потом телефон в машине...

— Корнеев мёртв.

На другом конце стало тихо.

— Что?

— Его убили. Я утром приехал. И ещё три человека. С договорами. С авансами. Как это у вас проверено было?

— Подожди. Какие три человека?

— Ты мне скажи.

— Я о них первый раз слышу.

— А ключи? Он всем ключи выдал. Всем обещал, что квартира их.

Егор выдохнул. Максим услышал, как открылась и закрылась автомобильная дверь.

— Ты сейчас где?

— Дома.

— Я могу подъехать.

— И что?

— Посмотрим бумаги. Разберёмся.

— Мы уже смотрели бумаги, Егор.

Он услышал собственную громкость и вспомнил запись на площадке. Это только сильнее разозлило.

— Я вам за проверку заплатил.

— За консультацию и сопровождение предварительного этапа. Мы с тобой...

— Не начинай сейчас слова переставлять.

— Я не переставляю. Право собственности было его. Он предъявил документы. Я не могу видеть договор, который человек подписал у себя на кухне с кем-то ещё и никому не показал.

— То есть всё нормально?

— Нет. Я говорю, что не знал. Мне никто об этом не говорил.

Максим сел на край дивана. В горле саднило.

— Со следователем поговоришь.

— Конечно. Дай контакт, если можно. Или пусть сама позвонит.

— Передам твой номер.

Егор ещё что-то говорил о копиях, но Максим уже хотел закончить разговор. Ему был нужен человек, который признает, что виноват, и немедленно вернёт деньги. Егор предлагал приехать с папкой.

— Завтра, — сказал Максим. — Сегодня не надо.

После звонка он открыл группу «47».

Борис написал первым: «Предлагаю собрать, кто сколько внёс и когда. Не в общий чат сканы паспортов. Только суммы и даты. Потом встретимся».

Зоя ответила: «Я за. Но сначала надо узнать, что будет с квартирой».

Оксана прислала: «С квартирой ничего не будет. Она не наша».

Борис: «Тем более надо вместе».

Максим долго держал палец над клавиатурой. Потом написал: «740000. 29 сентября. Перевод».

Сумма ушла в чат. Через секунду под ней появились две галочки.

* * *

Вечером хозяйка разрешила остаться до конца ноября на прежних условиях. Просмотр отменила, но попросила больше не менять планы в последний момент. Максим согласился и перевёл ей оплату за следующий месяц раньше срока. После этого на счёте стало ещё меньше.

Влада вернулась с хлебом и длинным пакетом. В пакете был удлинитель.

— Пригодится здесь, — сказала она, заметив его взгляд.

Они поужинали разогретой гречкой. Максим рассказал про Егора и про группу. Влада выслушала и спросила, сообщил ли он следователю контакты посредника. Он сказал, что сообщил. Невская ответила коротко: номер получила, при необходимости свяжется.

— А ты теперь собираешься расследовать? — спросила Влада.

— Я собираюсь вернуть деньги.

— Это не одно и то же.

— Я понимаю.

Она покрутила в пальцах вилку.

— Что ты будешь делать завтра?

— Сначала к Егору. Потом, может, с ними встречу. Все бумаги сравним.

— А шкаф?

Максим достал телефон. Слава прислал фотографию каркаса: три секции стояли у стены, фасады лежали на картоне. Подпись: «Один доведу в понедельник. Завтра не пустят, у них гости».

Максим показал экран Владе.

— Он без меня.

— Ты ему ответил?

— Сейчас.

Он набрал «Спасибо, брат» и остановился. Затем стёр и написал: «Сколько часов ты один отработал? Свою часть за сегодня тебе отдам».

Слава ответил не сразу. За это время Влада вымыла посуду, Максим протёр стол и выбросил порванную коробку в большой пакет. Когда телефон завибрировал, он почти испугался.

«Завтра посчитаем. Ты спи».

Спать не получалось.

Он лежал рядом с Владой и слышал всё, что раньше не замечал: как включался холодильник, как сосед двигал стул, как вода проходила по стояку. Съёмная квартира наполнилась звуками чужих решений. Кто-то внизу хлопнул дверью. Максим сел.

— Это подъезд, — сказала Влада, не открывая глаз.

— Знаю.

Она протянула руку и положила ему на колено. Он лёг обратно.

На тумбочке рядом с телефоном лежало пустое алюминиевое кольцо. Ключ и таблетка домофона остались у следствия, а кольцо ему вернули. Максим не понимал, зачем принёс его домой.

Уже после полуночи в группе появилось сообщение Оксаны.

«Я отдала 520000. В четверг. Но я знала его раньше. При встрече объясню».

Максим прочитал и сел снова.

Влада убрала руку.

Глава 4. До понедельника

В воскресенье Невская приехала в отделение раньше девяти. У входа курил Игорь Озерский. Он придерживал ладонью крышку бумажного стакана: дождь уже закончился, но с козырька падали крупные капли.

— Дочь приехала, — сказал он вместо приветствия. — Ждёт. И сосед сверху, которого вчера не застали. Говорит, ничего не слышал, но пусть лучше сам расскажет.

— Кто с дочерью?

— Одна.

Невская остановилась на ступеньке, проверяя телефон. С вечера от Максима Левина пришло два сообщения. В первом — контакт посредника. Во втором, отправленном в половине первого, он сообщал, что Оксана Троицкая знала Корнеева раньше. Прилагался снимок групповой переписки.

Озерский увидел экран краем глаза.

— Уже объединились?

— Да.

— Быстро.

— Деньги у всех пропали.

Он убрал сигарету в урну и открыл ей дверь.

Неля Корнеева сидела на стуле у стены. На коленях держала большую сумку из плотной ткани. Когда Невская назвала её по имени, девушка встала слишком быстро, словно на остановке подошёл нужный автобус.

— Я могу забрать его вещи?

— Какие именно?

Неля пожала плечами и посмотрела на сумку, будто только теперь заметила её.

— Не знаю. Телефон. Документы. У него есть куртка...

— Телефон пока нужен для расследования. Про остальные вещи разберёмся отдельно. Давайте сначала поговорим.

Девушка прошла в кабинет. Не спросила, где сесть, но выбрала стул подальше от стола. На ней были светлые кроссовки, слишком чистые для этой погоды. Невская подумала, что Неля, скорее всего, долго выбирала, в чём ехать. Такая нелепая задача иногда занимала всё утро после плохого звонка.

Она объяснила, какие сведения нужны, уточнила данные девушки, предложила воду. Неля отказалась, затем передумала. Выпила половину стакана и поставила его на пол возле сумки.

— Я не жила с ним, — сказала она. — С восемнадцати. Это важно?

— Важно, когда вы в последний раз общались и что знали о его делах. Но начните, как вам удобнее.

— Во вторник. Он хотел, чтобы я увезла свои коробки. Из кладовки. Я сказала, что в воскресенье могу.

— Сегодня?

Неля кивнула.

Невская записала. Вчера на осмотре у дальней стены большой комнаты действительно стояли две коробки с надписью «Неля». Это было одно из немногих мест, где чьё-то имя не означало покупателя, кредитора или номер в телефоне.

— О продаже квартиры он вам говорил?

— Да. Сказал, что переедет в меньшую, а разницу вложит в дело.

— В какое?

— Он всегда говорил просто «в дело». Если спрашивала, отвечал, что объяснит, когда получится.

У неё дёрнулся угол рта. Улыбкой это не стало.

— Вы видели кого-нибудь из покупателей?

— Нет.

— Бориса Кошелева знаете?

— Не помню такого. Может, по фамилии нет.

Невская не стала показывать фотографии сразу. Сначала попросила рассказать, кто бывал у отца, кто мог приходить без предупреждения, с кем он недавно ссорился. Неля называла людей неохотно. Казалось, каждая произнесённая фамилия превращала обычную жизнь отца в список подозреваемых, а она этого не хотела.

Снежану Лозовую она вспомнила сама.

— Она забирала старую мебель. Они давно знакомы. Он сказал, что всё, что мне не нужно, отдаст ей.

— Бесплатно?

— Не знаю. Он мне сказал «отдам». Это могло означать что угодно.

— Контакт есть?

— Есть. Я спрошу, можно вам...

Она замолчала.

— Передайте номер, — сказала Невская. — Свяжемся сами.

Неля достала телефон. Чехол у него был прозрачный, с засушенным листом внутри. Девушка искала долго, пролистывая список то вверх, то вниз, хотя имя знала. Невская подождала.

— Папа их обманул? — спросила Неля, не поднимая головы.

— Есть несколько человек, которые сообщили о передаче денег за одну квартиру. Мы проверяем документы и обстоятельства.

— Они звонили мне вчера. Один. Не покупатель, а какой-то посредник. Спрашивал, знала ли я, что отец делает. Я ничего не знала.

— Фамилию назвал?

Неля показала входящий номер. Невская сверила его с контактом, который прислал Левин. Егор Мальцев.

— Вы не обязаны сейчас объясняться перед всеми, кто найдёт ваш телефон, — сказала она. — Если звонки продолжатся, сообщите. И сохраните переписку, если она появится.

— Я трубку больше не возьму.

Она наконец нашла Лозовую и переслала контакт.

Невская посмотрела на тканевую сумку у ног девушки.

— С вами кто-нибудь может сегодня побыть?

— Подруга. Она на смене до четырёх.

— Вы ей сообщили?

— Да.

Неля помедлила, потом добавила:

— Она сказала, купит суп.

В её голосе впервые появилось что-то живое. Не облегчение, скорее недоумение: отец умер, а кто-то собирался принести суп.

* * *

После её ухода Озерский занёс материалы по первоначальным опросам. Невская разложила листы в том порядке, в каком люди оказались у сорок седьмой квартиры.

Троицкая — примерно без десяти девять, раньше Левина. Сам Левин — без двенадцати подъехал к дому, наверх поднялся позднее. Мартынова — ближе к девяти. Кошелев — после неё. Точное время входа у каждого ещё предстояло сверить с доступными независимыми данными. Невская не собиралась превращать приблизительное «минут пять» в точную отметку.

Левин подошёл к телу. Мартынова стояла в дверях спальни. Троицкая в основном оставалась возле кухни. Кошелев говорил, что дальше прихожей и начала коридора не ходил. Каждый видел остальных лишь часть времени.

Троицкая подтвердила, что отперла нижний замок своим ключом, а войдя, снова заперла дверь за собой. На осмотре не нашли явных следов взлома входной двери. Это было полезно, но не давало готового списка виновных. Корнеев мог открыть кому-то сам; ключей могло существовать больше четырёх. Ещё одна связка была найдена в его куртке. Хозяйственный ключ, о котором упоминала дочь, там отсутствовал, но Неля не могла сказать, давно ли.

— Она помнит маленький серый гараж, — сказал Озерский. — Или бокс. Отец когда-то держал там оборудование. Где — не знает. Только что не возле дома.

— Уточни по документам и знакомым. Без предположения, что деньги обязательно там.

— Понял.

Он сел на край свободного стула.

— По камерам у подъезда плохо. Штатной нет. Магазин смотрит на арку, часть машин попадает. Лица — как повезёт. Записи запросили, сохраняют.

— Пятницу всю.

— Да. И соседний павильон. Только там часы могут уезжать.

Невская отметила это отдельно. Время на камере следовало проверить, прежде чем строить из него чей-то вечер.

Предварительное медицинское сообщение не давало возможности назвать минуту смерти. Осмотр тела показывал, что человек погиб не перед самым обнаружением. Дальнейшие выводы ожидалось от эксперта. На вопросы о том, успели бы медики раньше, следовательно не отвечала догадками.

Смертельное насилие было очевидным. Случайным падением его объяснить не получалось. Подходящего орудия при первоначальном осмотре не нашли. В квартире оставались ножи, инструменты и бытовые вещи, требовавшие проверки; само их наличие ещё ничего не доказывало.

— Телефон? — спросила она.

— Изъят, всё как положено. Входящие утром подтвердились по словам людей и осмотру экрана. Остальное — через исследование. Не обещаю сегодня.

— И не надо обещать.

Озерский улыбнулся одним уголком рта.

— Авансы уже можно складывать? Они сами складывают.

— Можно. Только это пока не сумма найденных наличных.

— Три двести шестьдесят.

Невская записала число. Рядом — четыре фамилии, даты, способы передачи. Два перевода, два наличных платежа. По каждому требовалась самостоятельная проверка. Расписка могла быть подлинной, но нельзя было заранее считать подлинным всё, что говорили вокруг неё.

Она открыла сообщение с угрозой Левина и ещё раз прослушала запись. Молодой мужчина сердился на задержку документов. Невская слышала в нём и желание напугать, и беспомощность. Но интонация не заменяла проверки.

— Его четверг и пятницу установим, — сказала она. — Работа, люди, поездки. Не только по телефону.

— Напарник уже готов рассказывать.

— Пусть рассказывает про то, что видел.

Озерский кивнул. Они оба знали, как быстро человек начинал защищать знакомого, расширяя обычное «мы работали вместе» до целого дня, которого на самом деле вместе не провели.

* * *

Сосед сверху оказался инженером на пенсии. Он пришёл в аккуратном пиджаке и с блокнотом, куда заранее записал всё, что считал относящимся к делу. Невская поблагодарила его, но попросила сначала рассказать словами.

Он жил над большой комнатой Корнеева. В пятницу вечером смотрел хоккей в наушниках, потому что жена читала. В спальне у него работал увлажнитель. Ничего необычного не слышал.

— Но вы спросили, кого я видел, — сказал он. — Вот тут важно. В пятницу мебель выносили. Не всю. Один такой узкий шкаф, комод, не знаю, как называется. И ящик. Я из магазина возвращался.

— Примерно когда?

— После пяти. До шести. Точно не скажу. В чеке время есть, только я чек выбросил.

— Покупку картой оплачивали?

— Да.

— Тогда при необходимости уточним по ней. Кто выносил?

— Двое. Молодые. Один в жилетке. Хозяин рядом стоял, сам показывал. Я ещё спросил, лифт не нужен ли им.

Невская подняла глаза.

— В доме нет лифта.

Мужчина покраснел.

— Я пошутил. Они тащили тяжёлое. У нас так говорят. Он ответил, что им бы хотя бы лестницу пошире.

— Кто ответил?

— Хозяин. Лев.

Она записала отдельно: слышал голос Корнеева во время выноса мебели. Не «увидел его уходящим» и не «видел, как он уехал». Мужчина вернулся из магазина и поднялся домой; дальнейшего не наблюдал.

— На чём вывозили?

— Белый фургон. Без надписей, по-моему. Номер не запомнил.

— А из соседей кто-нибудь ещё был рядом?

— Дворник. Но он мог уйти раньше. И женщина из второго подъезда, с собакой. Не знаю фамилию.

Когда мужчина закончил, Невская попросила показать блокнот. В конце списка значилось: «Проверить объявления о продаже квартиры». Ниже — «Может быть несколько покупателей». Он подчеркнул эту строчку два раза.

— Откуда вы знаете о нескольких покупателях?

— Вчера во дворе говорили.

— Кто именно?

Мужчина задумался. Вчерашний двор уже превращал чужие обрывки разговора в общую память дома.

Она не упрекнула его. Только отделила в записи услышанное лично от услышанного после.

К полудню у неё было больше работы и меньше определённости, чем утром. Сосед ушёл, оставив номер жены: она помнила, в какой магазин он ходил за покупками.

Перед выходом Озерского она остановила его:

— Ещё одно. Все приглашения на субботу одинаковые?

— Почти слово в слово, судя по тому, что показали.

— Не «почти». Сохраним каждое отдельно и сравним. С временем отправки.

Он записал.

Невская посмотрела на четыре фамилии рядом с общей суммой. В понедельник каждый из этих людей собирался приблизиться к покупке квартиры. Теперь им предстояло узнать, с кем они вообще заключали сделку и какие обещания существовали только в их собственной переписке.

На полу у стула стоял стакан Нели. Воды в нём осталась ровно половина. Девушка ушла с пустой сумкой.

Глава 5. Место у окна

Зоя не любила воскресные завтраки у дочери. В будни все торопились, и её присутствие ничего не меняло: Люба пила кофе стоя, Дмитрий искал пропуск, сама Зоя ела овсянку, которую варила только себе. По воскресеньям стол становился общим, и выяснялось, что у каждого есть представление о том, как должны завтракать остальные.

Тем воскресным утром Люба поставила перед ней яичницу и ни разу не спросила, хочет ли она яичницу. Это было хуже любого вопроса.

— Я на четыре договорилаcь встретиться с покупателями, — сказала Зоя.

Дочь не сразу ответила. Посыпала свой помидор солью, закрыла солонку и повернула её этикеткой к стене.

— С какими ещё покупателями?

— С теми же. Нас четверо.

— Мам, тебе надо к юристу. А не на собрание пострадавших.

— Я и к юристу пойду.

— Когда?

— Завтра. Если найду.

— Я нашла. На вторник есть время.

Зоя отодвинула тарелку на два сантиметра.

— Почему ты не спросила, удобно ли мне?

Люба закрыла глаза. Дмитрий, сидевший наискосок, поднялся и сказал, что ходит за хлебом, хотя на столе лежала половина свежего батона. Никто его не остановил.

— Потому что ты вчера говорила, что не знаешь, что делать, — ответила Люба после того, как за ним закрылась дверь. — Я нашла человека, который знает. Он не обещает чудес и не берёт денег за первый разговор.

— И будет со мной разговаривать или с тобой?

— С тобой. Господи, мам.

Зоя взяла вилку. Желток растёкся по тарелке. Есть всё ещё не хотелось.

Вчера, вернувшись из полиции, она не сразу рассказала дочери о миллионе ста тысячах. Сказала сперва про умершего хозяина, про остальных людей, про то, что ключ забрали. Люба долго смотрела на неё, потом спросила прямо, сколько денег у Корнеева.

Зоя назвала сумму.

— Ты же говорила про сто тысяч, — ответила дочь.

Это было верно. Первоначально они обсуждали небольшой аванс, после проверки документов — основной расчёт через банк. Потом Корнеев объяснил, что ему срочно нужно закрыть прежний долг, и уступил ещё в цене. Он показывал Зое свежую выписку, паспорт, договор, по которому когда-то получил квартиру. Не прятал лицо, не торопился исчезнуть после разговора. Даже выдал ключ, чтобы она могла прийти с дочерью и посмотреть кухню при дневном свете.

Зоя хотела принести Любе уже решённый вопрос. Показать, что не зря все эти годы сама меняла жильё, оформляла землю, договаривалась с ремонтниками и считала семейные деньги. Поэтому перевела со счёта недостающую часть, сняла наличные, подписала договор и получила расписку Корнеева. Теперь Люба знала об этом после всех чужих людей.

— Я не собиралась скрывать, — сказала Зоя.

— Когда собиралась рассказать?

— После сделки.

— То есть после того, как это уже нельзя было бы обсудить.

Зоя раздражённо выдохнула. Она слышала в дочери собственный прежний голос. Когда Любе было восемнадцать, Зоя точно так же спрашивала, почему та принесла документы в институт, не поговорив с ней. И так же считала, что защищает здравый смысл.

— Шестьсот тысяч из этих денег твои, — сказала она. — Я понимаю. Верну.

— Ты не знаешь пока, вернёшь ли.

— С продажи дома осталось.

— Эти деньги тебе на квартиру. Если из них сейчас вычесть всё, что пропало, придётся смотреть другое жильё.

— Значит, посмотрю другое.

Люба подалась вперёд.

— Я не из-за того, что ты потратила мои. Ты можешь у нас жить столько, сколько нужно. Но нельзя сначала говорить, что всё под контролем, а потом выясняется...

— Вот именно поэтому я и хочу отдельно.

Они замолчали.

За окном кричал чей-то ребёнок. Не от боли — просто испытывал, далеко ли разносится голос. Зоя услышала, как во дворе сработала сигнализация, и стала ждать, когда её выключат. Люба смотрела на тарелку.

— Я не выгоняю тебя, — сказала дочь.

— Знаю.

— Иногда по твоим словам кажется, что мы тебя тут держим насильно.

Зоя хотела возразить, но не стала. Вечерами Дмитрий действительно уходил смотреть телевизор в спальню, чтобы она могла лечь в большой комнате. По утрам Люба открывала шкаф как можно тише. Никто не спрашивал её, когда она уже найдёт квартиру. От этой деликатности было теснее, чем от упрёков: каждый день приходилось замечать, сколько места у людей она занимает.

Она продала дом в Очёре весной. Четыре миллиона триста тысяч казались большой суммой, пока она не стала смотреть квартиры в Перми. Часть привычной жизни осталась у новых хозяев: сарай, где пахло яблоками, холодная веранда, два оконных ящика для рассады. Оконные ящики были никому не нужны, и Зоя сначала хотела привезти их к дочери. Потом сама над собой посмеялась.

В квартире Корнеева ей понравилось кухонное окно. Подоконник был широкий, настоящий, не пластиковая полоска. На нём помещались бы и цветы, и чашка, и тарелка с нарезанным яблоком. Она даже взяла туда пакет с новым бельём, чтобы прикинуть оттенок штор. Дочь увидела вчера этот пакет и ничего не сказала.

— На вторник во сколько? — спросила Зоя.

Люба подняла голову.

— В половине одиннадцатого.

— Подходит. Адрес пришли.

Дочь кивнула. Ни одна не стала благодарить другую за то, что разговор не закончился криком.

* * *

До встречи оставалось несколько часов. Зоя решила не сидеть дома и вышла пройтись. Дмитрий вернулся с хлебом и заодно принёс ей маленький стаканчик мороженого. Она отложила его в морозилку, пообещав съесть вечером. Это было его обычное средство против семейных разговоров, в которых он не знал, на чьей стороне стоять.

Зоя спустилась пешком, хотя лифт работал. На четвёртом этаже кто-то вынес в коридор старую стиральную машину. На крышке лежала записка: «Заберут сегодня». Она подумала, как часто новая жизнь начинается с вещей, которые уже мешают в старой, но ещё никуда не уехали.

На остановке пришлось ждать. Она достала телефон и открыла группу «47».

Борис прислал адрес кафе. Сказал, что там днём мало людей и столы можно сдвинуть. Максим ответил, что будет после встречи с посредником. Оксана написала, что работает до трёх.

Зоя захотела спросить, что Оксана имела в виду ночью, когда говорила, что знала Корнеева. Набрала вопрос, посмотрела на него и стёрла. Следователь просила не смешивать воспоминания. Зоя не знала, где проходит граница между обычным разговором и таким смешиванием, но решила дождаться встречи.

Подожёл автобус. Она села у окна и придержала пакет, хотя в нём были только папка и очки.

Раньше она работала диспетчером на автотранспортном предприятии. Люди представляли себе диспетчера человеком, который сидит возле телефона и знает, куда отправилась машина. На деле половина работы состояла в том, чтобы выяснять, чего человек не сказал. Водитель говорил «встал», и следовало спросить, где именно, с грузом или без, сломался или дорогу закрыли, и почему сначала позвонил жене. Зоя не считала это особым талантом. Просто устала когда-то ехать на край города, обнаруживая там совсем другую беду.

Теперь она пыталась вспомнить разговор с Корнеевым так же: что он сказал сам, а что она дополнила за него.

Он не говорил, что других покупателей нет. Говорил: «Я слово держу». Не обещал, что все документы готовы прямо сейчас. Говорил: «Для банка доделаем». Не запрещал показать договор юристу. Сказал, что к вечеру будет другой человек с деньгами, и Зоя решила, что думать больше нельзя.

Она нажала кнопку остановки раньше нужного места и вышла возле рынка. Хотелось идти.

Перед входом продавали хризантемы в пластиковых вёдрах. Продавщица улыбнулась ей и стала предлагать белые, крепкие, которые долго стоят. Зоя отрицательно качнула головой. Потом вернулась и купила три жёлтые ветки.

— К празднику? — спросила продавщица, заворачивая их в бумагу.

— Домой.

Она произнесла это слишком резко и смягчила голос:

— Просто домой.

* * *

В кафе Зоя приехала первой. Выбрала стол у окна, но потом пересела к стене: у окна их было бы видно с улицы, а ей почему-то не хотелось, чтобы кто-нибудь решил, будто они празднуют новоселье.

Официантка принесла меню. Зоя заказала чайник чая на всех и уточнила, можно ли попросить ещё две чашки позже. Потом посмотрела цены и поняла, что чайник слишком маленький для четырёх человек. Отменять уже было неловко.

Борис появился через десять минут. Нёс папку и пакет с распечатками. Увидев цветы на соседнем стуле, спросил:

— У вас день рождения?

— Нет.

— Извините.

Он сел напротив, снял очки, протёр дужку салфеткой. Вчера Зоя не заметила, что он носит очки. Без них он выглядел увереннее, но читать, судя по всему, было трудно.

— Дочь что говорит? — спросил он.

Зоя посмотрела на него.

— А откуда вы знаете, что у меня дочь?

— Вы вчера во дворе говорили, что она приедет. Я рядом стоял.

Она попыталась вспомнить. Вчерашний день был наполнен фразами, которые она произносила неосознанно. Могла сказать. Наверняка сказала, когда Люба звонила.

— Переживает.

— У меня дома тоже праздник, — ответил Борис. — Жена говорит, надо было брать у застройщика. Я спрашиваю: на какие деньги? Она говорит: вот теперь можно вообще не спрашивать.

Он усмехнулся, предлагая Зое разделить обычную семейную досаду.

— У застройщика тоже бывают неприятности, — ответила она.

— Я ей так и сказал. Только легче от этого никому.

Он разложил листы. На первом была таблица с фамилиями, суммами, датами и пустыми клетками для примечаний. Напротив Максима стояло семьсот сорок, напротив Зои — миллион сто. Оксана — пятьсот двадцать, Борис — девятьсот.

— Вы быстро, — сказала Зоя.

— У меня на работе такие листы каждый день. Только там квадратные метры и пятна.

— Чем вы занимаетесь?

— Ковры принимаю в чистку. Два пункта. Один свой, второй с партнёром. Не сам стираю, если вы об этом. Возим в цех.

Зоя кивнула.

— А квартира для себя?

— Для нас с женой. Мы сейчас на первом этаже живём, сырость надоела.

— Продали свою?

— Пока нет. Думал, сначала эту закреплю. Свою потом быстро продам, район хороший.

Он поправил край таблицы и добавил:

— Закрепил.

Официантка принесла чайник. Борис сразу попросил второй и чашку для себя, не превращая это в жест щедрости. Зоя была ему за это благодарна.

Через стекло она увидела Максима. Он шёл быстро, разговаривая по телефону, несколько раз останавливался и опять ускорял шаг. У входа закончил разговор, посмотрел на экран и только после этого заметил их.

Зоя подняла руку.

Ей хотелось, чтобы он сел и наконец перестал ходить туда-сюда. Молодые мужчины, которые всё время куда-то спешили, казались ей особенно уязвимыми: они часто путали движение с выходом из положения.

Но когда Максим подошёл, она сказала только:

— Чай налить?

Он кивнул, сел и положил на стол папку, такую же дешёвую и прозрачную, как у неё.

Глава 6. Все чеки

У Егора было готово всё, кроме ответа, зачем Максим отдал Корнееву семьсот сорок тысяч.

Он показывал переписку с продавцом, копию выписки, список документов, которые запрашивал, и даже напоминание, где рекомендовал не передавать большую сумму до основного расчёта. Максим это напоминание помнил. Оно находилось между двумя сообщениями о скидке и было написано таким же спокойным тоном, каким Егор обсуждал удобное время просмотра. Тогда Максим решил, что посредник просто обязан предостеречь. Сегодня Егор читал фразу вслух, как человек, нашедший спасательный жилет.

«Я не могу запретить клиенту», — сказал он.

Максим забрал копии и ушёл, не хлопнув дверью только потому, что дверь была стеклянной и медленно закрывалась сама.

Теперь он сидел напротив Бориса и Зои, пил слишком горячий чай и старался не пересказывать встречу так, чтобы Егор выглядел единственным виноватым. Это оказалось неожиданно трудно.

— Он советовал меньше давать, — сказал Максим наконец. — Но остальное проверил.

— Что значит — остальное? — спросила Зоя.

— Что квартира его. Что нет того, что сразу мешает продаже. По документам. Не всё на свете.

Борис подвинул к нему таблицу.

— Начнём с того, что знаем. Цена у вас какая?

— Четыре восемьсот пятьдесят.

Зоя медленно поставила чашку.

— Мне пять двести.

— У меня четыре семьсот пятьдесят, — сказал Борис.

Максим посмотрел на него с такой обидой, словно тот уже жил в квартире и мешал занести шкаф.

— Наличными рассчитывались бы? — спросил он.

— После продажи своей. Остальное добирали бы. Я обсуждал.

— Значит, ещё и торговаться умел.

Борис не ответил. Он понял, что речь идёт не о нём, но неприятный смысл в словах всё равно был.

Оксана пришла, когда официантка принесла вторую чашку Максиму: у первой обнаружилась трещина. Оксана извинилась за опоздание, сняла куртку и сразу сказала:

— Четыре шестьсот пятьдесят. Без посредника. Он обещал убрать из объявления сразу.

— Убрал? — спросил Максим.

— Одно убрал. С которого я звонила.

Она села сбоку, не напротив кого-то одного. Волосы пахли лаком. На запястье виднелась тонкая полоска засохшей краски, оставшаяся после работы с клиенткой.

— Вы писали, что знали его, — напомнила Зоя.

Оксана открыла папку.

— У него раньше были кресла, мойки, оборудование для салонов. Я у него кое-что покупала, когда открывалась. Лет восемь назад. Потом иногда пересекались. Он не был для меня человеком из интернета.

— Поэтому проверять не стали?

Оксана подняла глаза на Бориса.

— Я проверяла. По-своему.

— Я не в упрёк.

— А звучит именно так.

Максим достал свой договор и разложил на столе. Листам не хватало места между чашками. Зоя убрала сахарницу. Борис подвинул пакет с распечатками на свободный стул.

— Давайте без этого, — сказал Максим. — Мы все деньги отдали. Кто как проверял, уже ничего не меняет.

— Меняет для следующего раза, — ответила Зоя.

— Следующий бы ещё был.

Она не стала спорить.

Они сравнивали не всё подряд. В первую очередь — суммы, даты предполагаемой основной сделки, обещания о передаче квартиры, назначение аванса. Зоя читала вслух медленно, проводя пальцем под строками. Оксана быстро находила нужное место. Борис делал пометки в таблице. Максим то и дело уходил в другую страницу, где надеялся найти фразу, которая сделает его договор сильнее остальных.

В какой-то момент он это заметил и отложил лист.

— Мы сейчас соревнование устроим, у кого бумага лучше?

— Я бы выиграла, — сказала Оксана. — У меня папка дороже.

Зоя неожиданно улыбнулась. Борис коротко засмеялся. Максим тоже улыбнулся, хотя шутка была нехитрой. Им всем требовалась хотя бы одна минута, в которой они не выглядели нелепыми.

У Зои основной расчёт предполагался после завершения нескольких подготовительных действий, о которых Корнеев обещал сообщить в понедельник. Максим ждал документ для банка. Оксана собиралась обсуждать окончательный договор с юристом на следующей неделе. Борис хотел закрепить сроки, связанные с продажей собственного жилья. Ни у кого право на квартиру не было зарегистрировано. Ключи обозначали разрешение прийти на замеры и подготовку, а не состоявшуюся покупку.

Они по-разному понимали это ещё вчера. Теперь различия становились неприятно очевидными.

— Мне он сказал, что дочь всё уже забрала, — сказала Зоя. — Осталась мебель, которую вывезут в пятницу.

— Коробки Нели стояли, — ответил Максим. — Я видел в большой комнате.

— Значит, не всё.

— Мне вообще обещал оставить комод, — сказала Оксана. — Я спрашивала отдельно. Он старый, но хороший. Можно было восстановить.

Борис поднял голову.

— Какой комод?

— В большой комнате. Тёмный, низкий, с тремя ящиками. У ножки скол.

— Там его вчера не было.

— Поэтому и говорю.

Максим достал телефон. У него были фотографии кухни, коридора, окна и куса большой комнаты, попавшего в кадр случайно. Он сделал их на первом просмотре, чтобы дома нарисовать расстановку мебели. На одной фотографии действительно виднелся тёмный комод под зеркалом.

— Этот?

Оксана придвинулась.

— Да. Я ему сказала, что могу забрать с остальным, если не нужен.

— А он?

— Сказал, что оставит. Потом переиграл, наверное.

Борис записал в пустой клетке: «Мебель».

— Там денег могло быть? — спросила Зоя.

Никто не ответил сразу.

— Могло быть где угодно, — сказал Максим. — Но не думаю, что их просто в комодке оставили.

— А где оставили?

Он пожал плечами. Это и был вопрос, ради которого они собрались.

* * *

Оксана заказала суп. Зоя отказалась от еды, но потом взяла половину пирожка, который Борис разрезал ножом на чистой тарелке. Максим хотел расплатиться за чай, однако Борис махнул рукой:

— Потом разберёмся. Сейчас давайте хотя бы список доделаем.

— Лучше сразу, — сказала Оксана.

Она положила рядом с чашкой нужную сумму и вернулась к супу. Борис посмотрел на деньги, но спорить не стал.

Когда таблица заполнилась, получилось три миллиона двести шестьдесят тысяч рублей.

Зоя попросила калькулятор. Пересчитала сама, хотя ошибаться было негде.

— Он квартиру за пять продавал, — сказала она. — Значит, деньги есть. Если хотя бы продать её нормально...

— Там наследство теперь, — ответила Оксана.

— И что?

— Я не знаю, что. Поэтому не надо сейчас делить квартиру.

Максим вспомнил молодую женщину, которая могла приехать за отцовскими вещами и вместо этого увидеть четыре требования денег. Утром он говорил с Нелей всего несколько минут, но теперь представил её не препятствием между ним и возвратом.

— Следовательно сказала, все требования оформлять отдельно, — произнёс он. — Про деньги и сделки будет проверка. Я думаю, нам надо отдать ей это. Сводку.

— Отдадим, — сказал Борис. — Только если мы сами ничего не будем делать, сводка так сводкой и останется.

— Что вы предлагаете?

— Понять, куда он деньги дел. Кто его знал, куда ездил, что продавал ещё. Не лезть на место преступления, а спросить людей. Найдём зацепку — передадим.

— Людей можно напугать, — возразила Зоя.

— Можно. Поэтому не надо сразу спрашивать: «Вы украли наши деньги?»

Он сказал это спокойно, без улыбки, и Максим почувствовал к нему благодарность. Борис превращал невозможное — вернуть потерянное после убийства — в несколько обычных действий, которые можно выполнить завтра утром.

Оксана постучала ложкой о край тарелки. За стойкой взвизгнул вспениватель молока; она дождалась, пока он умолкнет.

— Я не готова выкладывать вам всю свою жизнь. Сразу говорю.

— Никто не просит, — ответил Борис.

— Сейчас не просит. А потом начнётся, почему я знала, почему столько отдала, почему не так посмотрела. Я лучше сразу.

Зоя кивнула.

— И я не готова. Но про квартиру расскажу всё, что знаю.

Максим вдруг понял, что он один уже рассказал всем и про деньги, и про Владу, и почти про угрозу. О записи он пока молчал, но ему казалось, что Оксана вчера слишком внимательно наблюдала за его разговором со следователем.

— У меня тоже есть, о чём не хочется говорить, — сказал он.

— Тогда договорились, — ответила она.

Это было странное начало союза: каждый заранее оставлял себе право что-то не рассказывать.

* * *

К вечеру они установили несколько простых вещей.

Объявлений было как минимум два. Фотографии частично совпадали, описания и цены отличались. В одном указывалась срочная продажа из-за переезда, в другом — прямая продажа собственником без посредников. Корнеев давал один и тот же основной номер телефона, но иногда перезванивал с другого. Максим знал только основной. Оксана знала оба.

Борис предложил сохранить снимки объявлений, пока они не исчезли совсем. Максим сказал, что своё уже не смог открыть. Оксана нашла ссылку в переписке. Зоя отыскала сообщение, которое пересылала дочери: там ещё отображались старые фотографии и цена.

У всех было приглашение на субботу. Зоя получила его в двадцать два двадцать, Оксана — в двадцать два девятнадцать, Максим — в двадцать два восемнадцать. Борис посмотрел в свой телефон и сказал:

— У меня двадцать два двадцать одна.

Он показал экран. Текст совпадал.

Максим сфотографировал общий лист с временами и отправил Невской, пояснив, что они сравнили собственные сообщения. Через некоторое время она ответила: «Получила. Переписку каждого сохранить в исходном виде. При необходимости уточним».

— Видите, польза уже есть, — сказал Борис.

— Она сама бы это сравнила, — ответила Оксана.

— Конечно. Но мы ей не помешали.

Максим не участвовал в этой маленькой перепалке. Он разглядывал свою фотографию большой комнаты. На ней были отражение лампы в зеркале, кусок окна и край комода. У правого нижнего угла торчала полоска светлого дерева, совсем новая на фоне тёмной поверхности.

Он увеличил изображение. Полоска оказалась не ремонтом ножки, как подумал сначала, а обрезком доски, подложенным под мебель. Корнеев компенсировал им неровный пол. Ничего важного.

Но фотография напомнила Максиму другой разговор.

— Он говорил, что хранит часть вещей отдельно, — сказал он. — Оборудование. Егор спрашивал, что останется.

— Где отдельно? — быстро спросил Борис.

— Не сказал. То ли склад, то ли бокс.

Борис пометил это на листе.

— Я знаю несколько мест, где недорого хранят. По работе пересекался. Можно поинтересоваться, не привозили ли мебель.

— Вам просто так расскажут? — спросила Зоя.

— Не знаю. Попробую. Без чужих данных, без просьб открыть что-нибудь. Может, хотя бы машину вспомнят.

Оксана доела суп и попросила счёт. Максим подумал, что Борис умеет говорить именно в тот момент, когда остальные уже собираются разойтись. После его слов снова казалось, что встреча дала направление.

Они ещё раз договорились: найденные сведения передавать следователю; чужие документы и паспортные данные не рассылать; не приезжать в сорок седьмую без разрешения; не

выдавать догадки за общую позицию группы. Последний пункт предложила Зоя. Борис записал и его, хотя лист уже заканчивался.

На улице стало холоднее. Зоя развернула бумагу вокруг цветов, чтобы проверить, не помялись ли они. Оксана вызвала машину и отошла подальше, разговаривая с кем-то короткими фразами.

Максим предложил подвезти Зою, но она отказалась: ей было по пути на автобусе. Борис сказал, что тоже пешком до остановки.

Некоторое время Максим шёл с ними. За соседним магазином дворник сгребал мокрые листья в прозрачный мешок. В листьях лежала детская варежка. Дворник вынул её, отряхнул и повесил на ветку.

— А вы бы ещё купили ту квартиру? — спросил Борис неожиданно.

Зоя остановилась.

— После всего?

— Если бы можно было. Нормально. Без обмана.

Она посмотрела на него сердито, потом на Максима.

— Не знаю, — сказала она. — Окно там хорошее.

Максим ничего не ответил. Он всё ещё помнил, где собирался ставить кровать.

Глава 7. Квартира на экране

На фотографиях квартира была гораздо светлее, чем в памяти.

Максим сидел за кухонным столом, раздвинув пальцами снимок, сделанный на первом просмотре. Солнечный прямоугольник лежал на полу у окна. На нём стояла нога Егора в коричневом ботинке; сам посредник не попал в кадр. Корнеев держался у двери, чтобы не мешать снимать, и на фотографии остались только его пальцы на косяке. Длинные, сухие, с приплюснутым ногтем большого пальца.

Вчера Максим не мог вспомнить, какими были руки мёртвого человека. Запомнил ладонь, неловко повёрнутую вверх, и что-то тёмное у манжеты. Теперь на экране были живые пальцы, а за ними белая стена, которую они с Владой собирались красить.

Он перевёл взгляд на свою руку. Под ногтем среднего пальца сидела чёрная полоска. Смола, клей, грязь от машины; ещё утром он тёр её щёткой, хотя на месте происшествия ему объяснили, что руки уже осмотрены и необходимые следы взяты. Полоска осталась.

— Дай я посмотрю, — сказала Влада.

Она стояла у холодильника с пачкой творога. Максим подвинул ей стул, но она сначала убрала творог, вытерла каплю с полки, закрыла дверцу. Только потом села.

Он начал объяснять про четыре цены, про потерянные миллионы, про мебель. Влада остановила его на втором предложении:

— Я прочитала, что ты прислал. Покажи саму комнату.

Максим передал телефон.

На кухне они помещались вдвоём, если один не открывал нижние шкафы. Из-за стола приходилось вставать, чтобы достать сковороду. Влада прислонила колено к батарее, зашипела и отодвинулась.

— Вот поэтому мне там понравилось, — сказала она. — Можно просто сидеть.

Вместо ответа он открыл следующий снимок. Окно, радиатор, кусок стены. Потом кухня. Потом снова комната, уже с другого угла.

— Зачем ты снял одну стену шесть раз?

— Я расстояния запоминал.

— Рулеткой было бы быстрее.

На первом просмотре он оставил рулетку в рабочей сумке. Очень не хотел возвращаться к машине и выглядеть перед продавцом человеком, который уже мысленно собирает здесь мебель. Поэтому ходил с телефоном и прикидывал ширину стены по длине досок ламината. В понедельник вернулся уже с рулеткой.

Влада задержалась на снимке комода.

— Он низкий.

— Обычный.

— Для телевизора низкий. Ты говорил, под телевизор.

— Мы же могли повесить.

— Могли, — согласилась она. — А это чьё?

В дальнем углу, рядом с комодом, лежала свёрнутая в рулон светлая дорожка. В субботу Максим её не заметил. Он вообще не помнил комнаты целиком: коробки Нели, стол, стулья, открытая дверь спальни. Всё остальное как будто закрылось.

— Не знаю. Тоже увезли, наверное.

Влада листала дальше. На одном из снимков Корнеев попал в зеркало: стоял, откинув голову, и улыбался. Это было после шутки Егора о сроках банка. Максим помнил, что засмеялся вслед за ним, хотя шутка была несмешная.

— Удали потом? — тихо спросила Влада.

— Нельзя пока.

— Я не из телефона. С экрана убери.

Он свернул снимок.

Некоторое время они сидели молча. За стеной у соседей шёл фильм, мужчина произносил короткие фразы, женщина отвечала громче, чем нужно. Потом что-то упало, и Влада невольно подняла глаза. Максим увидел это движение и испытал непонятное облегчение: вздрагивал теперь не он один.

В группе появилась фотография Зои Аркадьевны. Она снимала ту же комнату в среду, но гораздо ниже, с уровня груди, и половину кадра занимало зеркало. В зеркале была она сама: в зелёном пальто, с сумкой через плечо, с выражением недоверчивой радости. У стены за комодом стояли две длинные полосы упаковочного картона.

«Он говорил, стекло повезёт отдельно, чтобы не разбить», — написала Зоя.

Оксана ответила почти сразу:

«Зеркало моё. Было в салоне на старом месте. Я его ему тогда продала вместе с комодом».

Максим перечитал сообщение.

— Вот как, — сказал он.

Влада подняла голову:

— Что?

Он показал. Оксана в кафе говорила только, что хотела забрать комод. О том, что раньше сама им владела, не сказала.

Максим уже набрал «Почему сразу не объяснила?», когда Влада положила ладонь ему на запястье.

— Вы ей весь вечер вопросы задавали?

— Она знала его восемь лет.

— Значит, за один вечер не расскажет.

Он убрал руку, но сообщение не отправил.

Оксана прислала ещё один снимок, уже своего прежнего салона. На нём были красные кресла, пыльно-розовая стена, смешная искусственная пальма. Комод стоял у окна, под тем же зеркалом. Возле ножки не было скола, ручка верхнего ящика висела криво.

«Фото старое. Новому салону это не подошло. Думала теперь взять обратно, перекрасить для квартиры. Он обещал оставить».

«Вам отдельно оставить или вместе с квартирой?» — спросил Борис.

«Вместе».

«В договоре есть?»

«Борис, нет. И пальмы тоже».

Влада коротко рассмеялась.

Максим вдруг представил Оксану за стойкой салона: она печатает одной рукой, другой смахивает с экрана короткие срезанные волосы. Представил её раздражение. Он всё ещё сердился, что она знала больше, но сердиться на живого человека с пальмой оказалось труднее, чем на фамилию в таблице.

Борис поставил под ответом знак согласия и написал, что попробует узнать насчёт перевозки. Нужен хотя бы район, куда увезли вещи.

Контакт Снежаны Лозовой лежал у Максима в телефоне с утра. До поездки к Егору он заезжал передать следователю выписку о своём переводе и в коридоре познакомился с Нелей. Когда спросил про вывезенные вещи, девушка назвала Лозовую и согласилась прислать номер. Вспомнила ещё отдельный хозяйственный ключ с серой пластмассовой головкой, которым отец пользовался где-то в мастерской; про ключ Максим уже написал в группу. Лозовой не позвонил сразу, а в кафе о ней промолчал: хотел прежде послушать остальных и убедиться, что мебель действительно стоит искать. Теперь причина промедления казалась глупой.

— Я на минуту, — сказал он Владе.

Она забрала телефон, нашла в его снимках кухню и переслала себе.

— Позвони здесь. Только без громкой связи. Человек не обязан разговаривать со мной тоже.

Снежана ответила не сразу. На заднем плане звякала посуда, несколько голосов перекрикивались, кто-то просил передать хлеб.

— Да?

Максим назвал, сказал, откуда номер.

— От Нели? — переспросила женщина. — Подождите.

Шум стих. Скрипнула дверь.

— Она мне написала. Это точно? То, что с ним случилось?

— Да.

— Господи. Я с ней разговаривала, но подумала, вдруг... Вы кто ему?

— Покупатель квартиры.

После паузы Снежана спросила:

— Один из?

Максим выпрямился.

— Вы знали?

— Неля написала, что там несколько человек. Я узнала сегодня днём. До этого не знала ничего.

Он почувствовал, как Влада смотрит на него. Убрал из голоса нажим.

— Простите. Мы пытаемся понять, куда он дел деньги. И вещи. Вы в пятницу забирали мебель?

— Я не забирала. Я отправила машину.

— Куда?

— Сначала на площадку. У нас перегрузка была. Потом... Подождите, я сейчас не помню.

Где-то рядом со Снежаной хлопнула ещё одна дверь. Она негромко сказала кому-то, что перезвонит, и снова обратилась к Максиму:

— Я сегодня за городом у родителей. Бумаг перед глазами нет. Завтра буду на месте.

— А можете назвать адрес площадки?

— Могу, но вам туда зачем?

— Посмотреть, что привезли.

— Там чужие вещи. Сейчас сторож, он вас не пустит.

— Я не собираюсь...

— Хорошо, что не собираетесь. Давайте без ночных поездок. Завтра откроемся, тогда приезжайте. Хотя сначала я хочу со следователем поговорить. Дайте её телефон, если можно.

Он записал адрес на обороте извещения об оплате интернета. Складская площадка находилась за железной дорогой, на территории бывшей базы, где Максим однажды ставил шкаф в сторожке. Вход был с соседней улицы; тот, кто не знал, обычно заезжал к автомойке и упирался в забор.

— Там был тёмный комод, — сказал он. — Три ящика. И зеркало.

— Да, комод был.

— Он ваш?

— Теперь, видимо, придётся разбираться, чей. Мы с ним договорились, что часть я забираю в счёт старого расчёта. Не всё. Там ещё коробки были.

— Какие коробки?

Снежана шумно выдохнула.

— Обыкновенные. Из картона. Я не сидела в машине.

Максим замолчал.

— Послушайте, — сказала она мягче. — Я понимаю, почему вы спрашиваете. Но если я сейчас начну придумывать, вам легче не станет. Напишите, пожалуйста, кто будет со мной связываться. Утром посмотрю накладную.

Он поблагодарил её и ещё раз продиктовал свой номер, хотя тот у неё уже определился. Снежана вдруг спросила:

— А Неля одна?

— У неё подруга должна была прийти.

— Должна была или пришла?

Этого он не знал.

— Ладно. Я сама спрошу.

Когда разговор закончился, Максим увидел перед собой миску творога. Влада положила сверху варенье, как он любил, но ложку оставила рядом, не вложила ему в руку.

— Завтра склад? — спросила она.

— У нас шкаф недоделанный. Потом, если успею.

— Вот так и скажи Славе. До работы, а не когда соберёшься уходить.

Он написал напарнику. Слава ответил минут через пять: «Доделаем, если ты придёшь. Я сегодня спину еле разогнул». Потом прислал фотографию своей собаки, распластавшейся на его рабочей куртке. Подпись была: «Этот вместо тебя не поедет».

Максим улыбнулся и сразу почувствовал усталость. Она навалилась так резко, что на мгновение захотелось положить голову на стол.

Он переслал Невской номер Снежаны и то, что узнал. Отдельно написал: женщина сама просила связаться со следствием. В группе покупателей сообщил только адрес и возможность приехать после согласования.

Борис ответил первым:

«Я свободен после обеда. Могу забрать тебя с работы. Нужны руки — помогу».

Оксана написала, что утром у неё полная запись, освободиться сможет не раньше пяти. Зоя сообщила, что в понедельник собирается подавать заявление по деньгам и затем встретится с Любой.

Обычные понедельничные дела. Клиенты, шкаф, дочь. Максим вдруг понял, что рассчитывал на другое: будто после вчерашнего город остановится и все будут заниматься только квартирой сорок семь. Но Снежана сидела за семейным столом, у Оксаны были окрашивания, Слава хотел закончить работу и получить расчёт.

Влада смотрела на кухонный снимок в своём телефоне.

— Зачем ты его сохранила? — спросил Максим.

— Хочу помнить, что мне там понравилось.

— Мы всё равно туда не...

— Я понимаю.

Она убрала телефон, взяла его миску, переложила в холодильник.

— Доешь утром. Слишком сладко сделала.

— Нормально сделала.

— Ну тогда доешь утром нормально.

Он отнёс ложку в раковину. На окне, между горшками с базиликом, стоял пакетик с креплениями для шторы. Купили заранее, потому что в той кухне был высокий откос и обычный карниз не подходил. Пакетик занимал совсем мало места. Убрать его оказалось труднее, чем картонные коробки.

Максим сунул крепления в ящик со старым кухонным текстилем. Влада видела, но ничего не сказала.

Перед сном он ещё раз открыл переписку с Корнеевым. Нашёл пятничное приглашение, прокрутил вверх до четвергового голосового сообщения, которое теперь знал почти наизусть. Нажать на него не решился.

Ниже, между угрозой и приглашением, был короткий ответ Корнеева: «Не надо нервничать. Все всё получают».

До субботы Максим читал эту фразу как обещание одному человеку.

Теперь он видел множественное число.

Глава 8. Шкаф без напарника

Слава встретил его у подъезда с двумя стаканчиками кофе.

Максим взял один, успел сказать спасибо и услышал:

— Это не тебе. Это хозяйке. Твой в машине, без сахара.

— Она просила?

— В субботу просила. Я ещё тогда обещал. Ты сегодня приехал.

Слава говорил без злости, но от этого было хуже. Он держал под мышкой длинный профиль, на плече висела сумка с инструментами, и свободной руки, чтобы забрать стаканчик обратно, не было.

Максим понёс кофе хозяйке.

Квартира на Липовой была новой, с белым полом, на который им запретили ставить даже закрытые коробки. В прихожей лежала узкая дорожка из упаковочного картона. По ней приходилось ходить боком, огибая детали шкафа. Хозяйка, небольшая женщина в спортивных брюках, поблагодарила за кофе и сразу спросила:

— Сегодня точно закончите?

— Да, — сказал Максим.

Слава посмотрел на него.

— Если зеркало довезут, — добавил он.

Оказалось, одно зеркальное полотно привезли со сколом. В субботу Слава обнаружил его при распаковке, сфотографировал, вызвал замену, собрал каркас и поставил две двери из трёх. Максим знал об этом из сообщений, но прочитал их так, как читают прогноз погоды в другом городе. Шкаф существовал где-то далеко и, казалось, мог подождать.

Теперь он занимал всю прихожую, и хозяйка уже вторую ночь спала на матрасе среди коробок, потому что вещи из старой квартиры привезли, а разложить было некуда.

— Я объяснял, что у вас обстоятельства, — сказал Слава, когда она ушла на кухню. — Она поняла. Но её обстоятельства тоже надо заканчивать.

Максим кивнул, раскрыл сумку, достал отвёртку.

— Дай список.

— Какой список?

— Что сделать.

Слава выпрямился.

— Макс, ты шкаф видишь?

Он видел. Недостающую дверь, незакреплённый нижний направляющий профиль, полку, оставленную на ребре. Раньше ему не нужен был список. Они со Славой приезжали, раскрывали сумки и расходились по работе без команд. Теперь Максим ждал, чтобы кто-нибудь сообщил ему следующий шаг.

Он сел на картон, проверил уровень нижней направляющей. Пол уходил к стене на несколько миллиметров. Слава уже подложил тонкие пластиковые пластины, подписав на малярной ленте, где какая должна остаться.

— Здесь не трогай, — сказал он. — Я выставил.

Максим убрал руку.

Первые полчаса он делал только простое: распаковывал крепёж, подавал детали, выносил картон. Это неожиданно помогало. Пакет можно было открыть, коробку сложить, мусор отнести. В каждом действии был конец.

Когда он вернулся с улицы, Слава разговаривал с хозяйкой о полках.

— Вот здесь будет пылесос, — объясняла она. — А там... Нет, я не помню, как на рисунке. Муж рисовал.

— Мы сейчас по рисунку и сделаем.

— Он в командировке. Позвонить?

Максим увидел на полу сложенный вдвое лист. На нём ручкой были нарисованы прямоугольники, у одного стояла надпись «высокое». Он вспомнил разговор с этим мужчиной неделю назад: тот трижды объяснял, где будет хранить лыжи, хотя в договоре всё уже было указано.

— Пылесос справа, — сказал Максим. — Шланг на крючке, чтобы не перегибался. А под лыжи мы оставляем левую секцию. Ваш муж просил не ставить там лишнюю полку.

Хозяйка посмотрела на него с облегчением.

— Точно. Лыжи. Я уже забыла.

Слава молча подал ему крепления.

К одиннадцати Максим впервые почувствовал, что может работать. Он разметил отверстия под крючки, закрепил полку, проверил торцы. Из кухни пахло жареным луком. Хозяйка включила радио, потом выключила: они постоянно просили повторить то один, то другой.

Зазвонил телефон.

Невская спросила, может ли он назвать заказчика, у которого работал в пятницу. Он уже называл адрес, но теперь понадобился номер человека, договаривавшегося о сборке.

Максим вышел на лестницу, отыскал контакт.

— Лучше мужа, — сказал он. — Жена у них уезжала, потом возвращалась. Она не всё время была дома.

— Дайте оба номера, если у вас есть. И напишите, кто из них с вами общался.

— Это из-за моего сообщения?

— Мы проверяем события пятницы.

— Я понимаю, но... Я же рассказал.

— Рассказ проверяется, Максим.

Он посмотрел на след от ботинка на белой стене напротив лифта. Кто-то пытался стереть его влажной тряпкой, и теперь серое пятно стало шире.

— Хорошо. Сейчас пришло.

— Ещё. С Лозовой связались. Она согласилась дать пояснения и документы на перевозку. Если поедете туда, не забирайте вещи и ничего не открывайте без владельца. Это не ваша квартира и не ваше имущество, даже если вы считаете, что оно куплено на ваши деньги.

Максим хотел сказать, что не собирался ничего открывать. Потом вспомнил, как вчера просил пустить его на площадку ночью, и промолчал.

В прихожей Слава стоял с полкой в поднятых руках.

— Ты долго?

Максим сунул телефон в карман и подхватил второй край.

— Следовательно.

— Я понял.

Они закрепили полку. Потом Слава забрал у него шуруповёрт и сказал:

— Десять минут перерыв. Нормальных. Ты с телефоном, я с кофе. После перерыва ты работаешь. Или езжай домой, я вызову Андрея.

Андрей брал за день больше, чем они могли сейчас себе позволить. Максим открыл рот, но Слава не дал ему заговорить:

— Я не торгуюсь. В субботу я один занёс зеркало. Оно мне чуть в машине не осталось. Ещё раз так делать не буду.

Они спустились во двор. На детской площадке мужчина в рабочей куртке учил малыша слезать с низкой горки. Малыш отказывался, требовал подать его красную машинку, которая стояла внизу у самых ног отца.

Слава сел на бетонное ограждение клумбы и закурил.

— Ты же бросил, — сказал Максим.

— В субботу начал.

— Из-за меня?

— Из-за глупости. Не всё из-за тебя.

Слава затаился, поморщился, загасил сигарету и спрятал окурочек в пустой стаканчик.

Максим рассказал ему про суммы. Раньше говорил только о своих семистах сорока тысяч. Теперь выговорил и остальные: миллион сто, пятьсот двадцать, девятьсот. Три миллиона двести шестьдесят тысяч.

Слава долго молчал.

— А ты сколько по этой квартире ещё должен был?

— Банк должен был дать.

— Это я понимаю. Тебе сколько платить потом?

Максим назвал примерный ежемесячный платёж. Слава свистнул сквозь зубы.

— Мы же считали, — сказал Максим. — Влада работает, я работаю.

— Ты считал, что каждый месяц у тебя лето и кухни пачками.

— Не считал я так.

— Макс.

Он отвёл глаза. За последние полгода у них было много заказов. Переезды, ремонты, кухни, встроенные шкафы. Максим помнил общую сумму поступлений и старался не думать о том, сколько ушло на материалы, инструмент, машину и переделки. Банк смотрел документы, Влада задавала вопросы, но он знал собственное главное доказательство: раньше денег не было, теперь накопились. Значит, дальше накопятся ещё.

— Это всё равно не значит, что меня можно обманывать, — сказал он.

— Конечно, не значит.

Слава ответил сразу, и Максим почувствовал, как у него горят уши. Он готовился защищаться, а нападения не было.

— За субботу я тебе переведу, — сказал он.

— За субботу посчитаем. Сейчас мне нужен напарник. У тебя десять минут закончились.

Они вернулись наверх.

В половине первого привезли зеркало. Водитель торопился, хотел поставить упаковку у подъезда и получить подпись. Слава отказался подписывать, пока не осмотрит край. Водитель закатил глаза, но подождал. Под пенопластом зеркало оказалось целым.

Максим держал его за боковую кромку, пока Слава снимал защиту. В отражении был виден двор: горка, отец, мальчик уже без куртки. Отражение дрожало вместе с тяжёлым полотном.

— Верх не отпускай, — сказал Слава.

— Держу.

Пятнадцать минут они почти не разговаривали. Занести, повернуть, не задеть угол, поднять на направляющую. Когда дверь встала и мягко поехала в сторону, Максим отступил на шаг. Линии совпали. Щель у стены была одинаковой сверху и снизу.

Это был всего лишь шкаф, но впервые за два дня он увидел что-то, что получилось.

Хозяйка принесла им чай и тарелку бутербродов. Слава съел два сразу, Максим один. Женщина стояла в дверях кухни, явно хотела спросить о чём-то ещё.

— У вас ведь квартира... — начала она и остановилась.

Максим посмотрел на Славу.

Тот качнул головой:

— Я подробностей не говорил.

— У нас в домовом чате переслали, — сказала хозяйка. — Там пишут про четырёх покупателей. Без имён. Я подумала... Извините.

Максим поставил чашку на картон.

— Это мы.

— Какой ужас. У знакомой сестра тоже чуть не попала. Надо было через нотариуса, наверное?

Он почувствовал, как поднимается знакомая злость. Сейчас ему объяснят, что всё было видно с самого начала; назовут безопасный способ, которым пользуются умные люди; попросят рассказать, куда он смотрел.

— Мы ещё разбираемся, — сказал Слава.

Хозяйка покраснела.

— Да, конечно. Я не о том. Просто... Вы поешьте. Я ещё сделаю.

Она ушла, оставив им тарелку.

Максим хотел открыть домовый чат, найти, что именно о них написали, но у него не было доступа. Он написал Владе, чтобы не читала пересланные новости. Через минуту понял, как нелепо это звучит, и добавил: «Если увидишь, там могут быть выдумки. Имён вроде нет».

Влада ответила: «Я сейчас на работе. Ты тоже побудь».

К двум шкаф был закончен. Они убрали мусор, протёрли зеркало, показали хозяйке, как снимать нижнюю щётку для уборки. Она проверила все двери несколько раз, потом достала телефон и перевела остаток оплаты.

Когда они вышли, Слава передал Максиму часть денег за общую работу, вычтя субботний день. Максим даже не пересчитал.

— Посмотри, — сказал Слава. — Чтобы потом не было.

— Я тебе доверяю.

— А я хочу, чтобы ты посмотрел.

Они сверили суммы прямо у машины. Всё сошлось.

Снежана прислала сообщение: на площадке можно встретиться после трёх, но часть пятичного груза уже уехала дальше. У неё были документы; она обещала объяснить на месте. Максим сообщил Борису. Тот ответил, что подъедет отдельно.

— Опять к квартире? — спросил Слава.

— На склад. Мебель ищем.

— Зачем?

Максим начал объяснять и сбился. Они искали мебель, потому что деньги могли уйти вместе с ней; потому что Корнеев что-то готовил; потому что у них больше не было никакого направления, в котором можно двигаться самим. Вслух всё это звучало как попытка оправдать поездку.

— Хочу понять, куда он собирался, — сказал он наконец.

Слава закрыл багажник.

— Завтра в девять замер. На восемь тридцать заеду в мастерскую. Если тебя не будет, беру Андрея. Без обид.

Максим кивнул.

— Без обид.

Он сел в свою машину, достал телефон и выключил уведомления группы на час.

Глава 9. За доставку отдельно

На складской площадке пахло мокрым картоном и соляжкой. Вдоль забора стояли три холодильника без дверей, в лужах отражались синие ворота. Из открытого кузова грузовика двое мужчин вытаскивали диван, обмотанный плёнкой. Один шёл спиной и ругался на другого за то, что тот не предупреждает о ступеньке.

Максим остановился у будки охраны. Сторож взял его паспорт, сравнил фамилию с листком и вернул, не переписывая данные.

— К Лозовой? Второй бокс. Только по жёлтой полосе. Там погрузчик.

Борис уже стоял у второго бокса. В короткой серой куртке, с папкой под мышкой, он смотрел, как опускают диван. Увидев Максима, поднял руку.

— Успел?

— Успел. Ты давно?

— Минут пять.

Один из грузчиков посмотрел на них:

— Мужики, дверь придержите.

Борис взялся за металлическую створку, Максим отодвинул пустой поддон. Диван проехал мимо их коленей. Снизу за ним волочился оборванный кусок плёнки, похожий на рыбью кожу.

— Спасибо, — сказал грузчик. — Все стоят, смотрят, как кино.

Из бокса вышла женщина в стёганом жилете. На запястье у неё болталась связка брелоков с номерами, на голове был затянут узлом тёмный платок. Она посмотрела сначала на одного, потом на другого.

— Максим?

— Я.

— Снежана. А это?

Борис представился.

— Тоже покупатель? — уточнила она. — Понятно. Только у меня для вас не так много, как вам, наверное, хочется.

Внутри бокса мебель стояла рядами. Стулья были сложены сиденьями друг к другу, на столешницах лежали куски картона. На одном диване сидел фарфоровый олень с отбитым ухом. Максим невольно замедлил шаг: среди всей этой старой, чужой, ещё пригодной к жизни мебели ему захотелось найти что-нибудь знакомое.

Комода не было.

Снежана провела их в узкую комнату, где помещались стол, чайник и две табуретки. Борис сел только после того, как она показала ему место; Максим устроился на подоконнике.

— Я поговорила с Елизаветой, — сказала Снежана. — Она просила прислать документы и данные водителя. Прислала. Вам покажу то, что касается вещей, без чужих телефонов и паспортов.

Она достала из прозрачной папки лист с перечнем. Комод, зеркало, два стула, столик, дорожка, коробки с хозяйственными вещами. Последняя строка была дописана от руки.

— Это всё из квартиры? — спросил Максим.

— Что водитель привёз. Сколько коробок, он отметил при загрузке. Три штуки. Две маленькие, одна побольше.

— С надписью «Неля»?

— Нет. Нелины он велел оставить. Это Рустам хорошо запомнил, потому что сначала всё вынесли в коридор, а потом две коробки пришлось обратно заносить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.